

A black silhouette of a man from the back, with a red heart on his back. The heart is surrounded by a circular target pattern. The man's body is marked with white, jagged lines that look like cracks or scars. A thin red line runs horizontally across the lower part of the image.

СЕРИЙНЫЙ СПАСАТЕЛЬ

ДАРЬЯ УШАКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Ушакова

Серийный спасатель

<https://litres.ru/74323998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда врач скорой помощи обращается к киллеру, чтобы он научил её быть менее хорошей" и принять свою тень, тот сперва возражает. Но Розалия, кажется, не дает ему выбора.

К тому же, у них больше общего, чем сперва показалось.

Метафорическое приключение-исцеление от синдрома спасателя.

Дарья Ушакова

Серийный спасатель

Глава 1

Copyright. Все права защищены

Серийный спасатель
Дарья Ушакова

В большом старом доме, где царил изнутри идеальный порядок, а снаружи облез с досок лак еще несколько десятилетий назад, жил серийный убийца.

Дом стоял в самом центре уютного, маленького, доброго города. Пики башен на крыше не вписывались в местный ландшафт центральных улиц и казались старинными посреди окружавших его многоэтажных домов. Но дом служил памятником архитектуры, и его не сносили. Он стоял уже больше ста лет и казался почти незаметным. Люди просто шли мимо, привыкнув к странному двухэтажному зданию с детства, и никто не задумывался, а живет ли в нем кто-то или дом абсолютно пустой. Никогда в нем не видела света и де-

вушка лет тридцати – до того самого дня, когда всё началось.

Она назвала его мысленно “домом вампиров”, потому что казалось, что таким он и должен был быть. Если вампиры и жили среди современных людей, рассуждала она, то они должны были скрываться, накладывая на свое логово чары, чтобы делать дом незаметным и непримечательным для простых смертных. Никто не должен был *на самом деле* всерьёз задаваться вопросом, что внутри этого дома, никто не должен был посягаться на их потайное убежище. Никто не должен был...

Вопреки предположению девушки, никаких чар на убежище не было, но в доме действительно жил человек. И его звали Декс.

Глаза Декса были темно-ореховыми, и порой в них была жесткость. Его волосы цвета пшеницы золотились на солнце, когда в небольшое окно на его чистой кухне осмеливался заглянуть с утра свет. На красивом лице были шрамы, а в уголках глаз и на лбу залегали морщины. Сложно было сказать наверняка, сколько ему было лет, потому что когда он расслаблялся, его лицо становилось почти молодым. А когда он опять возвращался к привычной суровости и холодному равнодушию, он казался вдруг резко на двадцать лет старше.

Знаете почему так сложно принять, действительно глубоко почувствовать, мысль о том, что вы безусловно ценны?

Написала Розалия в заметках на своем телефоне.

*Ум сопротивляется, потому что глубоко внутри большинство людей погружены с детства в иллюзию того, **что именно** определяет их ценность. Кто-то считает, что его ценность определяется умом, навыками или богатством. Кто-то, что красотой, достижениями или талантом. Кто-то – тем, какой он высокоморальный или сильный, добрый; кто-то даже тем, насколько он хитер и как хорошо умеет врать.*

Люди боятся потерять больше всего то, что, по их мнению, определяет их ценность. Кто-то боится в старости утратить красоту, кто-то боится ошибиться и потерять “статус умного”. Тот, кто измерял свою ценность деньгами, боится обанкротиться, а высокоморальный опасается поступить аморально и потерять уважение к себе.

Часто люди пришли к такому иллюзорному выводу в детстве, смотрели на родителей и слушали внимательно, чем

можно заслужить их любовь, или чем родители пытаются заслужить любовь окружающих. Дети с синдромом спасателя часто считают, что их ценность зависит от их полезности или от количества людей, которым они помогли. Люди, увидевшие в детстве крах в семье из-за денег, могут решить, что главная их ценность – это способность зарабатывать деньги, и тогда их вероятнее будут любить.

Так иногда возникают снобы. По тому, что люди глубоко в душе считают измерителем собственной значимости, они оценивают и других людей. И если объективно кто-то в этом ключе гораздо менее “ценный”, они именно так и относятся к другому человеку, порой не осознавая этого.

А теперь представьте, всю свою жизнь спасатель без продыху помогал людям, чтобы быть ценным, а ученый защищал одну степень за другой. Затем они читают внезапно о том, что “они ценны безусловно и ничего бы не смогло поменять этого факта”. Значит, с раннего детства им было необязательно пытаться заслужить любовь таким образом, и можно было просто жить и заниматься в своем темпе, с достаточным количеством отдыха, тем, что интересно их душе. С одной стороны, это могло бы обнадёживать, вызывать радость, но осознание того, что “вся эта гонка была зря” способно ранить и ударить по психике сильнее, чем кажется.

Всё это не делало на самом деле вас более или менее цен-

ным. Полезным для общества – может быть, но это разные вещи. Это не контракт, это не гарантирует любви (безусловной, любящего присутствия), как кажется ребенку внутри нас, который ждет всю жизнь, что вот еще немного и он добьется наконец любви извне, которая его наполнит до краев.

Насытиться любовью извне не получится, если нет достаточного насыщения любовью изнутри. Если нет базовой любви от самого себя, то любовь, идущая извне, попросту не усваивается, не накапливается (словно в попытке накопить жидкость в сосуде с течью. Временно – да, но не навсегда). Она приятна, но не способна досыта насытить. В долгосрочной перспективе весь мир отражает нам наше отношение к себе.

Тем не менее, любящее отношение извне может помочь нам научиться любящему отношению к себе.

Все ценны безусловно. И тот, кто защитил докторскую, и тот, кто ничего не защищал. И бедный и богатый. И высокоморальный, добрый, честный человек и обманищик, преступник. И злой, и добрый. Базовая человеческая ценность не зависит от каких-либо вещей, и это может вызвать странные чувства, если действительно принять такую мысль.

Кому-то после глубокого осознания этого придется проживать реальное горе того, что он потратил всё свое дет-

ство на попытку быть достаточно хорошим или полезным, чтобы заслужить любовь и одобрение родителей, но так и не получил извне того, что ждал – ни в детстве, ни во взрослом возрасте (уже не от родителей, а от партнера или от других людей). Родители не могли дать любящего присутствия потому, что у них самих этого не было. Но лучше понять это раньше, чем позже. Лучше осознать и начать жить для себя, чем никогда так и не понять этого. По крайней мере, жизни в жизни будет больше. И отдыха, и расслабления, и ценности безусловной изнутри по своему праву рождения. Просто так, без отчаянной попытки заслужить любовь извне, а с намерением учиться дарить любящее присутствие самому себе и на основе этого уже принимать любовь извне, не как основное блюдо, в котором отчаянно нуждаемся, а как десерт, дар, за который благодарны.

Я выбираю быть ценной просто так.

Просто потому, что я существую. Чувствую. Имею право на свои эмоции, границы и тишину.

Мне не нужно исцелять кого-то, чтобы заслужить любовь или принятие.

– У вас идет кровь, – заявила Розалия, не задумавшись ни на секунду о том, что следует в темноте за мужчиной, и они в переулке одни.

Позади них горел розовый логотип маркетплейса, который уже был закрыт.

Она шла, держа в руках два пакета: со сменной обувью для спортзала и продуктами из любимого магазина с полезным питанием. Шла, задумавшись, почему у прохожего черная ткань штанов так блестит в темноте – боковая поверхность бедра была словно глянцевой, мельтеша перед взором в мерцании тусклого света огней. А затем её вдруг осенило – мужчина хромает, и блестит в темноте у него не иначе как кровь.

Но мужчина шел, не оборачиваясь, ускоряя свой шаг, а она не сдавалась, догоняя его.

– Боже мой. Вы поранились?

Человек прорычал что-то невнятное, стараясь её отпугнуть, и свернул в переулок, в ещё большую тьму, не оглядываясь. Но Розалия не понимала его желание скрыться, если он, очевидно, мог серьезно быть ранен.

Возможно, мужчина был в шоке, возможно, ему нужна была помощь. Возможно, он сам не готов был оценивать здраво всю серьезность ситуации. Мужчины ведь часто готовы обратиться к врачу лишь когда смерть начинает дышать им в затылок.

Из своей практики врача скорой помощи Розалия вспомнила случай, как мужчина с прободной язвой желудка и внутренним кровотечением запрещал родственникам вызывать врача несколько дней. У него были стандартные кин-

жальные боли, но он не хотел обращаться за помощью. Когда Розалия с фельдшером прибыли по вызову в дом на окраине города, пульс мужчины уже ощущался с трудом. Его давление было почти 60 на 40, а зрачки затопили всю радужку.

Они сразу же стали вводить пациенту раствор внутривенно и повезли в хирургию с мигалками. Неизвестно, успели хирурги спасти его или нет; Розалии лишь оставалось надеяться, что упрямство его не сгубило.

Очередной вид упрямства теперь был перед ней в переулке. И она не намерена была отпускать свою жертву спасения так уж легко.